

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ТАМБОВЩИНЫ

УДК 821.161.1

«ГОРОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ КАЗНАЧЕЙШИ СЕРДЦУ РАДОСТНО МИЛЕЙШИЙ»: ТВОРЧЕСТВО Д.Д. БУРЛЮКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

© **Наталья Юрьевна ЖЕЛТОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
e-mail: nata_zheltova@mail.ru

Рассматриваются основные вехи творческого пути основоположника, идейного вдохновителя русского футуризма Д.Д. Бурлюка в контексте тамбовских культурных связей. Несмотря на то, что в Тамбове он пробыл в юности всего три года, переключки с выдающимися именами «Цнинского края» в его творчестве присутствовали на протяжении всей жизни. В работе обращается внимание на специфику художественной индивидуальности Бурлюка, его выдающиеся способности арт-менеджера, издателя, пропагандиста искусства «будетлян» и творчества В.В. Маяковского. Прослеживаются связи русского футуризма и художественных экспериментов Бурлюка с литературой XVIII в., поэзией Г.Р. Державина. Проводятся тематические, языковые, стилистические параллели между стихами футуриста и одами Державина, исследуются их липограммы. Обозначается роль музыкальной поэмы С.В. Рахманинова «Остров мертвых» в формировании русского футуризма. Анализируется характер творческой деятельности Бурлюка в эмиграции, в США. В статье использованы материалы переписки Бурлюка с тамбовским краеведом Н.А. Никифоровым, изданной в Тамбове в 2011 г. Также рассматривается образ поэта и художника в творчестве В.В. Маяковского, В.В. Хлебникова, Е.А. Евтушенко, С.Е. Бирюкова.

Ключевые слова: русский футуризм; Д.Д. Бурлюк; В.В. Маяковский; культура Тамбовского края; С.В. Рахманинов; Г.Р. Державин.

Масштабная творческая личность русского художника и поэта Д.Д. Бурлюка (1882–1967) на протяжении последних двух десятилетий находится в центре внимания отечественных, украинских, американских, японских, западноевропейских исследователей [1–5]. Этот интерес обусловлен, видимо, той значительной и знаковой ролью, которую он сыграл в развитии русского и мирового искусства XX в.

Современники Давида Бурлюка не скупались на эпитеты. В его гениальности никто не сомневался. Писатель Дон-Аминадо, описывая вечер на котором выбирали короля русской поэзии, так охарактеризовал самопровозглашенного «отца русского футуризма»: «Гениальный Давид Бурлюк <...> с уверенностью опытного дрессировщика взошел на эстраду, презрительно поджав губы и по-

глядя на публику в серебряный лорнет, прокричал «стихи» о беременных мужчинах... Ни более и не менее» [6].

Но эти стихи Бурлюк «кричал» не для саморекламы, а для того, чтобы ярче представить главное открытие своей жизни – выдающийся талант В.В. Маяковского. «Бурлящий Давид» всегда первым выступал на поэтических вечерах, двигался, как ледокол, прокладывая путь подлинно художественному явлению и создавая Маяковскому литературную репутацию гениального поэта. Как талантливый продюсер Бурлюк прекрасно понимал, что самый быстрый путь к славе – «литературный скандал», и успешно пользовался этим инструментом в течение всей жизни, которая забрасывала «отца русского футуризма» то в Китай, то в Японию, то в Америку. Так же произошло и на вечере, ко-

торый описывал Дон-Аминадо. По его воспоминаниям, после эпатажных маневров Бурлюка строки Маяковского надолго запомнились слушателям: «С добросовестностью неуклюжего семинариста он прочитал «Облако в штанах» к немалому удовольствию собравшихся. <...> Этот неукротимый энтузиаст призывал «стереть вражью кровь на русских саблях шелковым бельем берлинских кокоток...». Ни более и не менее» [6].

Два имени – Бурлюк и Маяковский – стали знаковыми для русского авангарда. Бурлюк выступил как талантливейший организатор, идейный вдохновитель футуризма, придал форму новому русскому искусству, а Маяковский наполнил его новым вневременным содержанием. Футуристы намеревались реформировать русскую традиционную культуру, придав ей синтетический вектор. Их захватил вихрь революционных перемен, который, как им казалось, позволял выйти за рамки видовых границ искусства. Поэтому многие из футуристов старались совмещать разные формы художественности, занимались одновременно и литературным трудом, и изобразительным творчеством. Они поставили эксперимент даже над русским языком, заставив его работать на их идеи, последовательно развивать положения собственного манифеста.

Бурлюк и Маяковский, сознательно используя приемы литературного хулиганства, хотели «взорвать» изнутри обыденное сознание читателя и зрителя, изменить их привычный взгляд на мир и ход вещей. Поэтому «беременные мужчины» – обычное дело в поэзии футуристов. Маяковский был, конечно, глубже, интереснее в своих художественных экспериментах, а Бурлюк точно улавливал направление ветра и четко представлял, куда нужно плыть, чтобы достичь берегов нового искусства.

Видимо, первое ниспровержение классики Бурлюком случилось после того, как И.Е. Репин, председатель приемной комиссии Академии художеств, куда молодой художник пришел поступать, посмеялся над его желанием совершить переворот в современном искусстве. Бурлюк решил превзойти Репина. Ни более, и не менее. Обойдя несколько художественных школ, будущий «вождь русского футуризма» остановился на Московском училище живописи, где и позна-

комился с 18-летним Маяковским. Эта судьбоносная для русского искусства встреча чуть было не закончилась дракой. Маяковский в автобиографической статье «Я сам» вспоминал: «В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задралась» [7, с. 19].

Воспоминание Бурлюка о Маяковском не менее колоритно: «Какой-то нечесаный, невымытый, с эффектным красивым лицом апаша верзила преследовал меня своими шутками и остротами «как кубиста» до того, что я готов был перейти к кулачному бою» [8, с. 3]. Возможно, бой и состоялась бы, но осторожность Бурлюка, имевшего неблагондежную репутацию и боявшегося исключения из училища, удержала его от открытого столкновения с будущим поэтом. С этого момента началась их многолетняя дружба, несмотря на то, что Бурлюк был на 11 лет старше Маяковского: «Мы посмотрели друг на друга и помирились, и не только помирились, а стали друзьями, а скоро и соратниками в той борьбе, которая закипала вокруг <...> между старым и новым в искусстве <...> и жизни» [7, с. 19].

Так случилось, что имя Бурлюка непосредственным и интереснейшим образом связано с Тамбовским краем. Несмотря на то, что в Тамбове поэт и художник всего лишь неполные три года (1895–1898) учился в мужской министерской гимназии, тамбовские ниточки оказались чрезвычайно крепкими. В переписке с краеведом Н.А. Никифоровым он сам обозначил ряд знаковых для Тамбова имен, символично включив в него и себя: «Державин, Лермонтов, Жемчужников, Мичурин, Бурлюк, Беккер, Алексеев, Рахманинов – кто еще?» [9, с. 155]. Некоторые имена оказались знаковыми и для самого Бурлюка.

Интересно заметить, что к рождению русского футуризма и рождению великого русского поэта Маяковского непосредственное отношение имеет композитор С.В. Рахманинов. Именно с исполнения его «Острова мертвых» сбежали Маяковский и Бурлюк, не вынеся «мелодизированной скуки»: «вышли шляться вместе». Эта симфоническая поэма молодого композитора, чье имя неразрывно связано с Тамбовским краем, стала одним из последних явлений позднего русского романтизма начала XX в. В ней Рахманинов

предпринял первую попытку реформировать принципы классического музыкального искусства, поэтому в произведении символично борются два начала: жизнь и смерть. Так, в результате вынужденной ночной прогулки Бурлюка и Маяковского «родился русский футуризм» и его общая идеологическая платформа. Она возникла на основе взаимодополняющих начал: у Бурлюка это «гнев обогнавшего современников мастера», у Маяковского – «пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья» [7, с. 19]. Получается, что рахманиновский «Остров мертвых» по каким-то мистическим законам дал жизнь новому искусству. Все это удивительным образом соответствует и музыкальной стратегии поэмы, которую сам Рахманинов охарактеризовал следующим образом: «Сначала – смерть, потом – жизнь» [10, с. 235].

Переписка Бурлюка и Никифорова свидетельствует о том, что художник живо интересовался судьбой Рахманинова и его дочерей в США, клеивал в свои альбомы присылаемые тамбовским краеведом заметки из местных газет, посвященные композитору. Между тем художник постоянно подчеркивал антисоветскую позицию Рахманинова, противопоставляя ее своему лояльному отношению к СССР. В письме от 5 января 1960 г. Бурлюк вспоминал: «В самом начале (подчеркивание. – Н. Ж.) моей жизни в Нью-Йорке, м. б. в 1924 г., на одном из балов русской знати, куда я случайно (подчеркивание. – Н. Ж.) (даже танцевал там), я видел там Керенского (рыжий) и был представлен Рахманинову. Позже, когда моя просоветская (подчеркивание. – Н. Ж.) деятельность стала широко известна среди белых, керенщины, где вращались всякие князья, графини, включая Марию Павловну – кузину царя Ник. II-го, Рахманинов, конечно тогда уже со мной не познакомился бы» [9, с. 379-380]. Но в то же время Бурлюк, несмотря на критику антисоветской позиции Рахманинова, сохранил к нему уважение как к выдающемуся представителю русской культуры. В своем журнале «Colog and Rhyme» («Цвет и ритм») он опубликовал два портрета композитора работы Б. Григорьева. И за этим жестом, видимо, кроется негласная благодарность Рахманинову за его своеобразное участие в рождении русского футуризма.

По воспоминаниям Маяковского, именно на следующий день после «рахманиновской скуки» он написал первое стихотворение и, назвавшись другим именем, прочел свое творение близкому другу Бурлюку. Давид тут же распознал авторство Маяковского, объявил его «гениальным поэтом» и велел писать стихи: «Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение» [7, с. 20].

Это «бурлючье чудачество» дало России настоящего гения. Маяковский всегда тепло, с большой любовью отзывался о своем учителе, который не только поверил в него, но дал необходимое образование, обеспечил условия для раскрытия выдающегося таланта: «Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтоб писать не голодая» [7, с. 20]. Бурлюк прекрасно понимал и принимал упреки В.Я. Брюсова в том, что Маяковскому не хватает системных литературных знаний, поэтому не жалел сил и времени на их приобретение молодым поэтом.

Совместно «гениальный Давид Бурлюк» и «сукин сын» Маяковский создали и знаменитый манифест футуризма с характерным названием «Пощечина общественному вкусу» (1912). С этого момента искусство «будетлян» пошло в массы: «Газеты стали заполняться футуризмом» [7, с. 20]. Хотя новое с трудом преодолевало сопротивление сторонников традиционной культуры, открытое недоброжелательство и враждебность. Интересно заметить, что в силу идеологических причин советское литературоведение долгое время отрицало факт серьезного влияния на творчество пролетарского поэта Маяковского эмигранта Бурлюка. Однако в поэме «Облако в штанах» его имя осталось навечно как признание в любви великого ученика своему выдающемуся учителю:

*И –
как в гибель дредноута
от душащих спазм
бросаются в разинутый люк –
сквозь свой
до крика разодранный глаз*

с одноименным названием, а также «Без «р», «Без «н», «Без «а». Эти стихи также образуют своеобразный цикл, тематически чрезвычайно схожий с державинским.

Большой вклад Бурлюка в русскую культуру и литературу никогда не оспаривался – ни современниками, ни потомками. Но это вклад не столько художественно-эстетического, сколько идеологического характера. Его называли «гениальным организатором», «вождем», «теоретиком», «коммерсантом». Очевидно, что Бурлюк выполнил роль своеобразного ледокола, который прорубил путь не только Маяковскому, но всему русскому футуризму, вывел на большую воду и сумел сплотить по-настоящему великих художников, которые способствовали развитию русского и мирового искусства XX в. Будучи человеком здравомыслящим, вождь футуризма никогда не рвался в его первые ряды как поэт и художник, умея оставаться на втором плане и выдвигая вперед более талантливых соратников.

Маяковский стал главным открытием Бурлюка, который, однако, прекрасно понимал, что талант его друга значительно ярче, масштабнее, чем художественные принципы одной литературной группы: «Маяковского он поднес на блюде публике, разжевал и положил в рот. Он был хорошим поваром футуризма и умел «вкусно подать» поэта» [14, с. 157]. Добавим: и умел отпустить поэта, когда тот перестал нуждаться в его опеке и покровительстве.

В 1918 г. Бурлюк покидает Петербург и в течение двух лет медленно, но верно двигается на восток страны, печатая стихи, читая лекции, продавая картины в Златоусте, Уфе, Челябинске, Екатеринбурге, Омске, Томске, Иркутске, Чите, Кургане, Владивостоке. Контрлозунг И. Северянина «Не Лермонтова – «с парохода», А бурлюков – на Сахалин!» («Поэза истребления», 1914) оказался пророческим. Этот исход «будетлянина» на восток закончился эмиграцией сначала в Харбин, затем – в Японию и США.

Любопытно, что дружба Бурлюка и Маяковского пережила и разлуку, и расстояния, разделявшие поэтов. Находясь в сентябре 1923 г. в Берлине, Маяковский пишет своему другу полное теплоты и сердечной привязанности письмо: «Дорогой Додичка! Пользуюсь случаем приветствовать тебя. Шлю кни-

ги. Если мне пришлете визу, буду через месяца два-три в Нью-Йорке. <...> Обнимаю тебя и весь твой род. Целую тебя. Твой В. Маяковский» [15, с. 1]. Однако свое намерение посетить Америку Маяковский осуществил только в 1925 г., спустя 7 лет после разлуки с другом. Возможно, это намерение было обусловлено желанием снова увидеть «дорогого Додичку». И оно осуществилось: друзья снова встретились в Нью-Йорке, Бурлюк сопровождал Маяковского в поездках по США, организовывал ему творческие встречи, которые неизменно заканчивались триумфом «посланника Советской России». Сохранилась фотография, на которой изображены Бурлюк и Маяковский, обнимающий его сыновей. Спустя 7 лет после этой встречи «дорогой Додичка» посвятит памяти друга альманах «Красная стрела» (Нью-Йорк, 1932), который открывается вышеупомянутым письмом.

«Отец русского футуризма» накануне Великой Отечественной войны предпринял попытку вернуться на родину, но получил отказ. Но ему все-таки удалось хотя бы и в качестве туриста дважды побывать в Советском Союзе – в 1956 и 1965 г. Встречавшийся с ним И. Эренбург точно описал характер американского периода его творчества: «Бурлюк в Америке рисует, прилично зарабатывает, стал почтенным, благообразным: ни лорнетки, ни «беременного мужчины» [16, с. 260]. Добавим: к своему титулу «отца русского футуризма» Бурлюк приписал еще один – «американский Ван Гог».

Эмигрировавший в Америку поэт, как и все русские, испытывал ностальгию по родине – «*morbus rossica*» – русскую болезнь. Бурлюк жаждал общения с Россией, поэтому охотно откликнулся на письмо молодого тамбовского краеведа Н.А. Никифорова. Эта переписка продолжалась много лет, но встретиться им удалось лишь однажды, и не в Тамбове, а в Москве. Видимо, Бурлюк, как большинство русских эмигрантов, мечтал когда-нибудь вернуться на родину, если не лично, то хотя бы своими произведениями. Возможно, именно поэтому он передал Никифорову немалое количество своих трудов, видя в нем человека, способного сохранить для будущих поколений память не только о нем самом, но и об ушедшей России. В од-

ном из писем к Никифорову Бурлюк ностальгировал:

Тамбов, Тамбов...
Там юнь – любовь
К отчизне, как во сне,
По жизненной весне,
Цвела на речке Цне.
И много лет спустя –
Готов,
Родной Тамбов,
Рифмезами тебя
Воспеть на речке Цне!! [9, с. 494].

Сегодня в частном музее С.Н. Денисова хранятся около трех тысяч писем Бурлюка тамбовским адресатам, а также его картины, книги. На основе этой коллекции в 2005 г. в Тамбовском краеведческом музее состоялась выставка «Давид Бурлюк. Живопись, графика», был издан сборник писем [9]. В настоящее время по инициативе ректора Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина В.М. Юрьева и депутатов Тамбовской областной думы в Тамбове решается вопрос об открытии культурного «Бурлюк-центра». Именно в Тамбове поэт и художник мечтал быть понятым и принятым:

Город лермонтовской казначейши
Сердцу радостно милейший –
Зримый наяву, во сне
Град Тамбов на реке Цне [9, с. 24].

Внимание в Тамбове к личности «отца русского футуризма» вполне закономерно. Любовь к этой черноземной земле он пронес через всю жизнь. Не случайно, В. Хлебников в стихотворении «Бурлюк» справедливо отмечает истоки творческой энергии своего соратника:

Краски учитель
Прозвал тебя
«Буйной кобылой
С черноземов России».
Ты хохотал,
И твой трясся живот от радости буйной
Черноземов могучих России [17, с. 166].

В заключение отметим еще одну знаменательную ниточку, связывающую имя Бурлюка с Тамбовом. Премия «Международная отметина Давида Бурлюка» была учреждена известным поэтом, филологом, основателем Академии Зауми С.Е. Бирюковым, начавшим

свою творческую деятельность в Тамбове и ныне поддерживающим с родиной тесную связь. Дело Бурлюка живет, а русский футуризм по-прежнему наносит пощечину современному общественному вкусу. Справедлива в этой связи оценка Е.А. Евтушенко творческой личности поэта и художника:

Не став «невнятным иностранцем»,
Бурлюк увидел, что не счесть
всех пароходов, улиц, станций
в его трагическую честь <...>.
И вновь сказав «Ты гений!» внятно,
привел бы он к нему обратно,
на перекресток его рук,
всех, кто его не оценили
и нежностью не осенили.
Вот что бы сделал он – Бурлюк! [18, с. 2].

1. Русский футуризм и Давид Бурлюк, «отец русского футуризма». СПб., 2000.
2. *Евдаев Н.* Давид Бурлюк в Америке: материалы к биографии. М., 2002.
3. *Марков В.М.* Русский след в Японии. Давид Бурлюк – отец японского футуризма // Известия Восточного института. 2007. № 14. С. 191-219.
4. *Чиэко Оваки.* Японский период в творчестве Давида Бурлюка (1920–1922): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Харьков, 2008.
5. *Култышева О.М.* Д. Бурлюк и В. Маяковский: теоретические декларации и поэзия // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 5. С. 137-146.
6. *Дон-Аминадо.* Король и принц (Уроки истории) // Рампа и жизнь. 1918. 12 марта. С. 9-10.
7. *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1.
8. *Бурлюк Д.* Владимир Маяковский (поэт революции) // Творчество. 1920. № 1.
9. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова / авт.-сост. А.С. Чернов. Тамбов, 2011.
10. *Рахманинов С.В.* Литературное наследие. М., 1978. Т. 1.
11. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
12. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1997. Т. 5. Ч. 1.
13. *Бурлюк Д.* Щастье циника // Садок судей. СПб., 1910. С. 83-84.
14. *Шершеневич В.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990.
15. Красная стрела / авт.-сост. Д.Д. Бурлюк. Нью-Йорк, 1932.
16. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: в 3 т. М., 2005. Т. 1.
17. *Хлебников В.* Творения. М., 1986.

18. *Евтушенко Е.* Бурлючик // Личность в истории культуры. Давид Бурлюк. М., 2012.
-
1. Russkiy futurizm i David Burlyuk, "otets russkogo futurizma". SPb., 2000.
 2. *Evdaev N.* David Burlyuk v Amerike: materialy k biografii. M., 2002.
 3. *Markov V.M.* Russkiy sled v Yaponii. David Burlyuk – otets yaponskogo futurizma // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2007. № 14. S. 191-219.
 4. *Chieko Ovaki.* Yaponskiy period v tvorchestve Davida Burlyuka (1920–1922): avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Khar'kov, 2008.
 5. *Kulyshcheva O.M.* D. Burlyuk i V. Mayakovskiy: teoreticheskie deklaratsii i poeziya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2005. № 5. S. 137-146.
 6. *Don-Aminado.* Korol' i prints (Uroki istorii) // Rampa i zhizn'. 1918. 12 marta. S. 9-10.
 7. *Mayakovskiy V.V.* Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. M., 1955. T. 1.
 8. *Burlyuk D.* Vladimir Mayakovskiy (poet revolyutsii) // Tvorchestvo. 1920. № 1.
 9. D.D. Burlyuk. Pis'ma iz kollektssii S. Denisova / avt.-sost. A.S. Chernov. Tambov, 2011.
 10. *Rakhmaninov S.V.* Literaturnoe nasledie. M., 1978. T. 1.
 11. *Tynyanov Yu.N.* Poetika. Istoriya literatury. Kino. M., 1977.
 12. *Tsvetaeva M.I.* Sobranie sochineniy: v 7 t. M., 1997. T. 5. Ch. 1.
 13. *Burlyuk D.* Shchast'e tsinika // Sadok sudey. Spb., 1910. S. 83-84.
 14. *Shershenevich V.* Velikolepnyy ochevidets // Moy vek, moi druz'ya i podrug. M., 1990.
 15. *Krasnaya strela* / avt.-sost. D.D. Burlyuk. N'yu-York, 1932.
 16. *Erenburg I.G.* Lyudi, gody, zhizn': v 3 t. M., 2005. T. 1.
 17. *Khlebnikov V.* Tvoreniya. M., 1986.
 18. *Evtushenko E.* Burlyuchik // Lichnost' v istorii kul'tury. David Burlyuk. M., 2012.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 821.161.1

"CITY OF LERMONTOV'S PAYMASTER'S WIFE IS GLADLY DEAR TO HEART": WORK OF D.D. BURLYUK WITHIN CULTURAL HISTORY OF TAMBOV REGION

Natalia Yuryevna ZHELTOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: nata_zheltova@mail.ru

The main stages of artistic way of founder, idea inspirer of Russian futurism D.D. Burlyuk within Tambov cultural links are considered. In spite of the fact that in Tambov he was in youth only three years the roll with outstanding names "Tsninsky region" in his work present throughout life. The paper draws attention to the specifics of artistic individuality of Burlyuk, his outstanding abilities of art manager, publisher, and advocate art of "budetliane" and creativity of V.V. Mayakovskiy. The traces of Russian futurism and artistic experimentation of Burliuk of 18th century literature, poetry of G.R. Derzhavin are shown. The theme, linguistic, stylistic parallels between the poems of futurist and odes of G.R. Derzhavin are given, their lipogrammy are investigated. The role of musical poem of S.V. Rachmaninoff "Isle of the Dead" in the formation of Russian futurism is represented. The nature of the creative activity of Burlyuk in exile in the United States is analyzed. This article contains material correspondence of Burlyuk with Tambov regional specialist N.A. Nikiforov, published in Tambov in 2011. The poet's image and artist in the work of V.V. Mayakovskiy, V.V. Khlebnikov, E.A. Yevtushenko, S.E. Biryukov is considered.

Key words: Russian futurism; D.D. Burlyuk; V.V. Mayakovskiy; culture of Tambov region; S.V. Rakhmaninov; G.R. Derzhavin.